

"A Monsieur le Duc de Richelieu en Quarantaine"

На конверте значилось имя адресата: "Его Сиятельству Дюку де Ришелье в Карантин". "Автограф неизвестных писем герцогу от его любимого адъютанта И.А. Стемповского", — подумала я, впервые увидев рукопись в бумагах фонда Ришелье в библиотеке Сорбонны. Однако некоторые упоминаемые здесь факты никак не могли иметь отношения к дюку, да и весьма свободная манера изложения подсказывала, что получатель писем был либо моложе Ивана Алексеевича, либо его ровесником. А представленные даты и вовсе привели в замешательство: после смерти герцога (май 1822 г.) прошло уже несколько лет! Полагаю, что эти документы представляют интерес как свидетельства о близких Ришелье людях и содержат некоторые любопытные детали одесской жизни почти двухсотлетней давности, а потому заслуживают публикации в данном издании¹.

I.

Одесса, 16 сентября 1826

Мой дорогой герцог, я не нашел Вудстока² у книготорговца, а будучи антикваром, я не слишком в курсе новинок и, не решившись сделать самостоятельный выбор, предпочел послать вам Каталог кабинета для чтения³, который вы найдете приложенным здесь же, с тем чтобы вы выбрали для себя что-либо подходящее.

Сообщите мне завтра, что вы желаете получить. Между тем в пакете, который посылаю вам, имеется небольшой запас книг: вы найдете здесь роман в трех томах, Очерк о черноморской торговле⁴, Систему Макадама⁵ и, наконец, два последних номера Петербургских ведомостей (Gazette de Petersbourg), где увидите ежедневное обозрение, о котором мы вам говорили. Г-н Мейффреди просит вас бережно обращаться с этими двумя номерами, которые мы должны возвратить: после того, как вы их прочитаете, и как только они пройдут положенную очистку, мы их завтра заберем.

Желаю вам, чтобы сегодняшняя небольшая посылка помогла скоротать время. Ради Бога, скажите нам откровенно, что вам может понадобиться, и не сомневайтесь в моей искренней и неизменной привязанности

Стемповский.

II.

Одесса, 25 марта/6 апреля 1827

Я представляю себе, мой дорогой и любезный Герцог, что в этот час вы уже покинули варварские страны, которые отважились посетить и проходите наблюдательный карантин в каком-нибудь европейском порту, и что недалек тот час, когда вы будете иметь удовольствие обнять 2-ю вашу матушку и всех ваших дорогих родственников. С нетерпением ожидая от вас скорых новостей о счастливом возвращении на родину, я направляю это письмо в Париж и льщу себя надеждой, что по приезде вы соблаговолите написать мне пару слов. Со времени [получения] вашего любезного письма из Константинополя мы более не имели от вас вестей: затерялись ли ваши пакеты или же скорее всего, поспешность передвижения (что я в состоянии представить себе, сам испытав это) не предоставила вам времени написать нам? Как бы то ни было, вы оставили нас томиться в неопределенности, и соответственно, в беспокойстве. Приближение весны оживляет наши надежды получить вскоре от вас новости из Франции.

Мы вместе с Мейффриди очень часто мысленно следовали за вами. Мягкость зимы в наших краях и почти непрерываемое затишье, царящее здесь на всем протяжении холодного времени года, побудили нас предположить, что вы почти не испытали бури на море, и вашему путешествию в Египет сопутствовала приятная погода. Что же до ветров, дующих с экватора, которые ощущались здесь довольно сильно и продолжаются до сих пор, то я надеюсь, что вам посчастливилось избежать их, вернувшись в Египет, прежде чем их воздействие стало ощутимым.

Должно быть, вы увидели много прекрасного, любопытного и интересного. Будучи любителем древностей, я не могу не позавидовать вашей участи. Привезли ли вы с собой какую-нибудь медаль, нашли ли какую-либо новую руину, скопировали ли неизвестную надпись? Позвольте стать соучастником вашей поездки, сообщая мне некоторые сведения по этому поводу.

Мы живем здесь совершенно так же, как и тогда, когда вы были с нами: Мейффриди в консульстве, в нетерпеливом ежедневном ожидании 2-на Шалле, который уже написал из Брод; а я в моем небольшом эрмитаже⁶. Все, кто имел здесь удовольствие познакомиться с вами, постоянно спрашивают нас о ваших новостях, все вспоминают вас с самым живым интересом и желают, чтобы вы еще раз вернулись в эти края. Поскольку и у нас теплится такая надежда, нужно, чтобы вы сдержали свое слово. Будьте уверены, что вы доставите огромное удовольствие, и [притом]

многим, особенно двум отшельникам (подчеркнуто в тексте. — Е. П.), чьи чувства вам хорошо известны.

Мейфредди, как всегда, ленится писать, но также собирается бросить вам письмо, а пока поручает мне донести до вас свои чувства. Мы оба просим вас нежно поцеловать за нас нашего дорогого и доброго г-на Армана и дружески напомнить о нас. Поверьте, мой дражайший герцог, что чувство привязанности, которое я испытал к вам, сохранится неизменным на протяжении всей моей жизни.

Ж. Стелпковский

Чуть не забыл сказать вам, что г-н Сикар передал нам 120 р. для оплаты мелких долгов, оставленных здесь вами, что и было в точности исполнено.

* * *

Первоначальное недоумение, вызванное датировкой писем, рассеялось в ходе дальнейшего знакомства с богатейшим фондом Ришелье, в 1932 г. завещанным библиотеке Виктора Кузена в Сорбонне. Здесь отложились многочисленные бумаги не только дюка, но и его ближайших родственников, в первую очередь — сестер по отцу: Армандины (в замужестве маркизы де Монкальм) и Симплиции (маркизы де Жюмилак), а также старшего сына последней — Одэ. Именно он унаследовал титул герцога Ришелье после смерти своего незабвенного дяди. Ему-то и были адресованы вышеприведенные письма.

Арман Франсуа Одэ де Жюмилак (Armand François Odet de Jumilhac) родился 19 декабря 1804 г. После прохождения курса в знаменитой военной школе в Сен-Сире с юных лет находился на военной службе. В возрасте двадцати лет был награжден орденом Почетного легиона за заслуги перед монархом и государством, что, конечно же, нельзя не рассматривать как дань уважения покойному премьер-министру. Племянник же, как следует из документов, то и дело брал отпуск от службы и продлевал его на длительные сроки...

В апреле 1826 г., продлив очередной отпуск на год "с целью путешествия без сохранения жалованья", младший лейтенант 6-го гусарского полка, расквартированного в Париже, отправился в путь. Очевидно, маршрут воюжа обсуждался в семье и изначально предусматривал посещение Одессы и Крыма. 11 октября 1826 г. маркиза де Жюмилак признавалась сыну: "Я с нетерпением жду новостей о твоём прибытии в Одессу, мне любопытно знать, как тебя там примут...". Не скрывала своего волнения и Армандин-

на де Монкальм. Она писала племяннику: "...я бы очень хотела следовать за тобой в Одессу и насладиться любовью и уважением, с которыми там по-прежнему относятся к памяти моего бедного брата. Этот культ адресуется его добродетелям еще более, чем его талантам, и мне было бы от-
радно быть его свидетелем"⁷.

Одэ оставался в Одессе чуть менее двух месяцев, после чего отправил-ся в Крым. В письме, отправленном из Константинополя 14 ноября 1826 г., он поделился с тетей своими впечатлениями. Приведем фрагмент, представляющий наибольший интерес: "Я покинул Одессу несколько дней назад, чтобы продолжить мой большой вояж, весьма растроганный тем, как меня приняли несколько прежних друзей моего дяди, среди прочих г-н Сикар любезно предоставил мне свою рукопись, которая меня очень заин-тересовала, и которую он пообещал мне выслать немного позже этой вес-ной, [поскольку] некоторые письма и заметки, которые он находит воз-можным добавить после смерти императора Александра, требуют допол-нительной работы, которая не может быть завершена вплоть до того времени. Г-н Сикар — почти единственный, кто [...] отдает должное мое-му дяде в городе, где он принес столько пользы и который без него не суще-ствовал бы. Скоро вы увидите в Париже его преемника в Одесской губер-нии, с которым, думаю, вы уже знакомы. Несмотря на то, что г-н Ворон-цов и мог испытывать профессиональную ревность, он — один из тех, кто смог лучше всех оценить его (то есть Ришелье. — Е. П.) и оценит еще более. Я надеюсь, что вы увидите с ним, так же, как и с его женой, они оба бы-ли чрезвычайно добры ко мне, и они весьма уважаемы в России".

Продолжив путешествие, молодой Ришелье посетил Иерусалим, Александрию, где весной 1827 г. был посвящен в масоны, а затем из Смир-ны (Измира) направился в Европу. Он прожил довольно долгую по мер-кам того времени жизнь и умер 24 февраля 1879 г., не оставив потомства. Герцогский титул ненадолго перешел к его племяннику Арману (1847-1880), после чего новым герцогом Ришелье стал сын последнего Арман (1875-1952), также не оставивший наследников. Линия рода пресеклась.

* * *

Остается добавить несколько слов о персонажах, фигурирующих в приведенных письмах. Полагаю, что ни их автор — И.А. Стемпковский, ни чета Воронцовых, ни Шарль Сикар не нуждаются в представлении чи-тателям альманаха⁸. Рукопись последнего, о которой идет речь в перепис-ке ("Записка об одиннадцати годах жизни герцога де Ришелье в Одессе..."),

до сих пор находится в названном мною фонде. В конце XIX в. она была опубликована, и с тех пор хорошо известна исследователям как блестящий источник по ранней истории Одессы, являя собой один из примеров самой безудержной апологетики правления дюка⁹. Чаще других упоминается близкий друг Ивана Алексеевича — уроженец Марсея Жозеф-Филипп Мейффреды (род. В 1793 г.) (см. о нем также в письмах Стемповского другому своему корреспонденту и еще одному адъютанту герцога — графу Рошешуару)¹⁰. Как и автор писем, Мейффреды с юных лет почитал Ришелье своим благодетелем, после смерти которого он решил покинуть Францию, уехав в Россию. В мае 1822 г. назначен представителем консульства (agent consulaire) Феодосии. В 1825 — мае 1827 г. находился в Одессе, чтобы руководить делами консульства в отсутствие консула Шалле. Просился в Таганрог, но благодаря протекции барона де Дама впоследствии (осенью 1828 г.) назначен вице-консулом в Ригу, где через три года получил место консула. Отличался, впрочем, редкой нерадивостью по службе.

Андре-Адольф Шалле (род. в Париже в 1787 г.) прибыл в Одессу в 1817 г., где первоначально был управляющим делами в консульстве. С 1821 г. вплоть до своей отставки осенью 1846 г. (с небольшим перерывом) занимал должность консула в нашем городе. Известен своим участием в масонской ложе "Понт Эвксинский". В отличие от своего подчиненного Мейффреды, Шалле столь успешно справлялся со своими обязанностями, что, получив известие о его отставке, *"французские подданные, обосновавшиеся в Одессе"*, немедленно подали петицию Луи-Филиппу с просьбой не удалять консула из города, где он провел более четверти века с пользой как для местной французской колонии, так и для русско-французских отношений в целом¹¹.

Что касается *"дорогого и доброго господина Армана"*, о нем, к сожалению, известно совсем немного. Один из представителей французской эмиграции, проживавший в Одессе во времена Ришелье, он, очевидно, был близок к герцогу и его сестрам, поскольку неоднократно упоминается в семейной переписке.

Итак, вопреки ожиданиям, царившим в семье Ришелье, прибыв на берега Черного моря через двенадцать лет после того, как их покинул дюк, его племянник не заметил в Одессе особых признаков "культа" своего дяди. Но если бы Одэ немного отложил этот визит, он бы увез с собой иное впечатление об "исторической памяти" одесситов: как известно, 22 апреля 1828 г. был открыт памятник, с воодушевлением воспринятый местными жителями и "материализовавшийся" один из самых устойчивых мифов в истории города.

Примечания

- ¹ Bibliothèque Victor Cousin de la Sorbonne. La famille de Jumilhac. Duc de Richelieu. VIII. Autographes, f. 243-246. Перевод с французского автора статьи.
- ² Название этой "книжной новинки" установить не удалось.
- ³ Возможно, речь идет о кабинете для чтения Марка и Альфонса Коллен, отца и сына, однако каталог кабинета, который был издан в 1820-х гг., неизвестен.
- ⁴ Очевидно, "Исторический очерк торговли и плавании на Черном море..." (Париж, 1805) "пионера" черноморской торговли А.-И. Антуана, барона де Сен-Жозефа (Antoine de Saint-Joseph A.-I. Essai historique sur le commerce et la navigation de la Mer-Noire... — Paris, 1805).
- ⁵ Имеются в виду "Замечания о настоящей системе строительства дорог..." Дж.Л. Макалама (McAdam J.L. Remarks on the present system of road making... — 2nd ed. — Bristol, 1819).
- ⁶ В 1826 г. полковник Стемповский был вынужден по болезни оставить военную службу и до своего назначения градоначальником Керчи в 1828 г. проживал на даче в Водяной балке, подаренной ему Ришелье, которую Иван Алексеевич и называет своим "эрмитажем".
- ⁷ "Было время, — продолжает мадам де Монкальм, — когда в какой-то момент я [сама] подумывала отправиться туда [...] обстоятельства распорядились иначе. Но я всегда буду признательна стране, которая сохранила память о том, кто меня так любил и о ком я всегда буду скорбеть [...]". Действительно, в течение 1805 г. возможность переезда в Одессу маркизы Монкальм, чей брак оказался крайне неудачным, живо обсуждалась в ее переписке с братом, который тешил себя надеждой, что любимая сестра скрасит его жизнь в Одессе.
- ⁸ См., например: Решетов Сергей. Французский негодник Карл Яковлевич Сикар и его внебрачное потомство. // Дерибасовская — Ришельевская: Одесский альманах (сб.). — Одесса, 2004. — Кн. 19. — С. 28-35.
- ⁹ Sicard Ch. Notice sur onze années de la vie du Duc de Richelieu a Odessa pour servir à l'histoire de sa vie. // Сборник Имп. Русского исторического общества. — Т. 54: Герцог Арманд Эммануил Ришелье. Документы и бумаги его жизни и деятельности, 1766-1822. — СПб., 1886. — С. 25-79.
- ¹⁰ См. Полевщикова Е.В., Третьяк А.И. Письма полковника Стемповского генералу Рошешуару // Архіви. Документ. Історія. Сучасність. — Одеса, 2001. — С. 291-301.
- ¹¹ Сведения о Ж.-Ф.Мейфреды и А.-А. Шалле изложены в соответствии с данными, хранящимися в архиве МИД Франции.

